

Взвились, бушуя, знамена...

НАЧАЛО 1748 ГОДА ОКАЗАЛОСЬ ШУМНЫМ И ТРЕВОЖНЫМ

Стоило Фике выздороветь после тяжелой простуды, как ей сообщили о недовольстве государыни ее манерами и образом жизни. Но едва удалось оправдаться и смягчить гнев повелительницы, как Екатерина снова (уже в Великий пост) почувствовала сильное недомогание. К физическим болям примешивались и грустные раздумья: экс-воспитатель цесаревича генерал-адъютант Василий Репнин был назначен командовать 30-тысячным пехотным корпусом, двинувшимся на подмогу австрийским друзьям. Еще бы: дунайские бедолаги жутко страдали то от прусских ударов, то от французских атак. И Петербург, связанный с Веней союзническим договором, не мог безучастно взирать на эти горькие муки. В воздухе запахло свежей кровью...

ЖРЕБИЙ СКАЖЕТ, КОМУ УМИРАТЬ...

Катя следила за европейскими штормами, увы, лежа в постели: терзала какая-то мерзкая хворь. Жар доходил до такой степени, что, когда девушки-горничные отпахивали полог, на них веяло, словно из нагретой докрасна печи. Мадам Чолокова, слава богу, рядом не обреталась: она только-только произвела на свет двойню (дочек Катю и Лизу) и была поглощена трепетными материнскими заботами. Ее супруг, Николай Наумович, нередко отвлекался в иную, более романтическую сторону. Все это позволяло Кате получать нужную информацию от своих расторопных фрейлин — особенно княжны Анны Гагариной, неизбывной страсти юного пажа Вани Шувалова...

А дело, в котором решил поучаствовать русский двор, тянулось давно и отличалось изрядной запутанностью. Лет тридцать пять назад кайзер Австрии (или, как выражались тогда, Священной Римской империи германской нации) Карл VI Габсбург издал строгий указ, согласно которому все обширные просторы его «локутной монархии» — собственно австрийская территория, а равно Венгрия, Чехия, южные районы Нидерландов и подвластная Вене часть итальянских земель — должны были остаться по смерти суверена в пределах Дунайской державы. Этому огромному, хотя и разноэтничному пространству надлежало — в отсутствие мужских преемников Карла VI — перейти под скипетр его голубокровной дочери, Марии Терезии.

Мирлолюбивые соседние государи охотно и дружно признали все пункты-параграфы. Но (слаба и лицемерна природа человеческая!), получив осенью 1740-го весть о кончине могучего венценосца, изменили свой гибкий подход на 180 градусов. Пруссия, Бавария и Саксония в купе с Испанией стали оспаривать незыблемые — как будто! — тронные права Марии Терезии. Сей военно-дипломатический заговор вдохновлялся из Парижа, где король Людовик XV (за кого прочили некогда молодую Елизавету Петровну) мечтал максимально ослабить своих австрийских соперников. Важную роль играл и Фридрих II, размахивавший из родного Берлина отнюдь не картонным мечом.

Австрийцев поддержали «морские народы» — англичане и голландцы, опасавшиеся французского диктата в континентальной Европе. Позднее к проавстрийскому блоку примкнул и Петербург, обеспокоенный чрезмерными прусскими амбициями. Самодержицу, впрочем, раздра-

жал не только безумный милитаристский зуд Фридриха — отталкивал и его личный быт. Шелестели упорные слухи о нетрадиционных половых влечениях августейшего крестоносца. И «натуралку» Елизавету, любившую крепких, статных, здоровых мужчин, трясло от одной мысли, что на западных рубежах России будет хозяйничать коронованный греховодник.

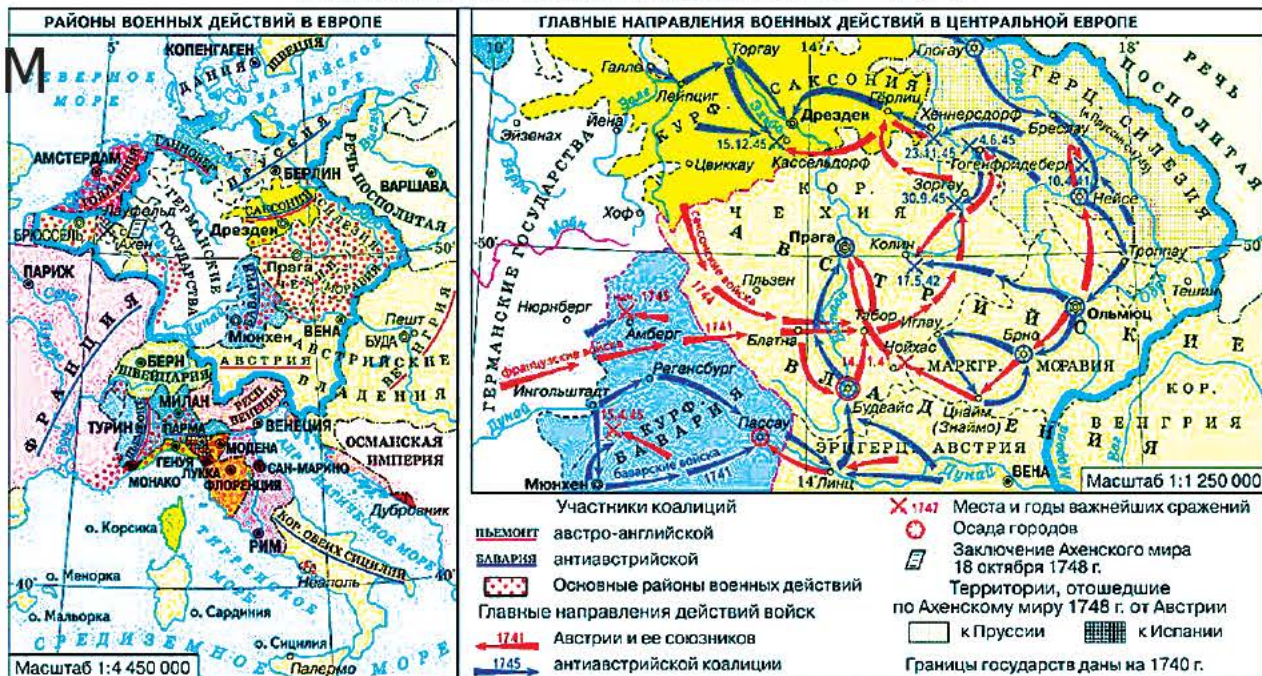
«Поддай мне, Боже, Твой покров...». Десятый патриарх Русской православной церкви — святейший Адриан (около 1627-го — 1700).

Как-то года за три до «экспедиции» князя Репнина монархиня повелела развернуть в Прибалтике мощную армейскую группировку, способную в любую минуту выступить в дальний поход. Фике вспоминала, что, подписав оный документ, богобоязненная императрица опустила на колени перед святыми образами и призвала Всемогущего Господа в свидетели того, как она, государыня, поступает не по корысти, а по совести. Затем, вздохнув, обратилась к фельдмаршалу Ласси — на предмет его рассуждений о предпринятом политическом шаге. «Я не министр, а солдат, ваше величество, — смущенно отвечал Петр Петрович, — и мой долг не высокоумничать, а исполнять приказы...» — «Ну а все-таки?» — «Думаю, пора обуздать короля прусского». — «Да, да, — радостно подхватила Елизавета, — пора! Это настоящий шах НаDIR. Какой-то персидский деспот в Европе. Что он там себе позволяет?»

СБРОД МОЙ МИЛЫЙ, НАС ШЛЮТ С ЭТИМ «БРЫСЬ!»

Доблестный Фридрих и впрямь позволял себе многое и разное. Уже в декабре 1740-го, всего через два месяца по смерти

ВОЙНА ЗА АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО 1740—1748 гг.

«Завоевателей исконная земля...» Карта войны за Австрийское наследство (1740—1748 годы).

кедаря Карла VI, полки лихого берлинского Мальбрука вторглись в принадлежавший Габсбургам район Силезии. В считанные недели эта изобильная, богатая зона поменяла обладателя. Вскоре пруссаки задали австрийцам хорошую трепку в местечке Мольвиц. А летом 1741 года французские батальоны маршала Шарля де Бель-Иля, «подверстав» баварцев и саксонцев, ворвались в Верхнюю Австрию и чешские области. Зиме была занята красавица Прага. На континенте вспыхнула пресловутая война за Австрийское наследство. И аппетит приходил во время еды. Вдохновленный Людовик XV решил, что сочтется славой с другом-приятелем Фридрихом II. Он извлек из кармана свою немецкую марионетку — баварского курфюрста Карла Альбрехта — и провозгласил его королем Чехии, а чуть погодя — кайзером «Священной Римской империи германской нации».

«Сей стол обеденный искусно уберут...». Банкет Фридриха II в потсдамском дворце Сан-Суси. Художник Адольф фон Менцель. 1850 год.

Мария Терезия да и весь дом Габсбургов отодвигались на обочину, а жалкий выскочка (аж Карл VIII!) вместе с захудалой династией Виттельсбахов — даже не добравшись до Вены! — вставал в сверкающий центр круга. Воистину, как рекли древние, *vae victis* (вэ вйктис) — горе побежденным! Драчливые галлы, однако, не успокоились на достигнутом: маршал Мельбуа промаршировал в австрийский сектор Нидерландов. Побитому венскому двору пришлось уступить: его послы срочно заключили мир с пруссаками, отдавший ненасытному Фридриху щедрый закрома Силезского бассейна. Но нет худа без доб-

ра: австрийцы оживили операции на других фронтах, вытеснив из Чехии французов и баварцев, а союзные им англо-голландские комбатанты разгромили на реке Майн веселых парижских удалцов.

К 1744-му на правом берегу Рейна не осталось ни одного вооруженного галла, и австрийцы плечом к плечу с британцами гордо прошествовали в Эльзас. Саксонский курфюрст (он же — «круль» Польши Август III) поспешил дистанцироваться от Берлина и подписать оборонительный пакт с Веней. Тем не менее до счастливого финала было весьма далеко. Раздосадованный Фридрих, аки тать в ночи, вломился летом 1744-го в Саксонию и Чехию, взял на щит покинутую франко-баварцами Прагу, а спустя год опять крепко высек австрийцев и саксонцев. 18 декабря 1745 года пал величавый Дрезден. Примерно тогда и состоялся в Зимнем дворце красноречивый обмен мнениями об излишней горячности прусского НаDIR-шаха...

ГЛАГОЛИТ ОН: «ХРАНИ МОИ ЗАВЕТЫ!»

События в Европе не могли не волновать Фике. С одной стороны, она сострадала Фридриху — своему тайному свату, благодаря марьяжным хлопотам которого нежилась теперь в невской столице. С другой — со знавала, что малейший выплеск этих эмоций в свет, в публику сыграет самую плачевную роль в ее положении при дворе. И недужная Екатерина привычно искала утешений в почившей навеки старине.

...Борьба вокруг персоны нового патриарха продолжалась недолго. Одолела, естественно, материнская «партия»: Наталья Кирилловна рука об руку с архимандритами и игуменами продавала-таки кандидатуру прямолинейного Адриана, митрополита Казанского и Свяжского. Знающего же, начитанного Маркела отвергли из-за чрезмерного книголюбия, владения «еретическими» языками — латынью и французским, а также серьезнейшего изъяна — коротко остриженной бороды. В августе 1690-го народ узрел десятого по счету церковного вождя — Святейшего Кира Адриана, архиепископа Московского и всея Руси и всех северных стран патриарха. В энный раз победила простота, которая хуже воровства. Петр буквально сжимал кулаки, но помалкивал. Да, признала Катя, у младшей дочери реформатора сегодня куда больше опор и рычагов, нежели у ее батюшки на заре русского Преображения...